

Научная статья

УДК 82-94

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-203-214>

<https://elibrary.ru/ZRWCJU>

ПЕТР БИЦИЛЛИ И ЭРНСТ КАССИРЕР

© 2024 г. Р. Мних

Аннотация: В статье представлены размышления, касающиеся проблемы сравнения идей и творческого наследия двух известных мыслителей XX в. — немецкого философа Э. Кассирера (1874–1945) и русского историка П.М. Бицилли (1879–1953). Рассмотрены три аспекта сравнения: 1) влияние Э. Кассирера на П. Бицилли; 2) сравнение концепции культурно-исторических эпох (средневековья и Ренессанса) у обоих мыслителей; 3) отношение к проблеме свободы и к европейскому культурному наследию на примере творчества И.-В. Гёте и О. Шпенглера. Изучение текстов Э. Кассирера и П. Бицилли в сравнительном аспекте открывает широкую перспективу исследования истории идей в области гуманитарных наук.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, Э. Кассирер, Ренессанс, философия истории, проблема свободы.

Информация об авторе: Роман Мних — доктор филологических наук, профессор, Кафедра русистики, Варшавский университет, ул. Краковское Предместье, 26/28, 00-927 г. Варшава, Польша.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3384-2821>

E-mail: r.mnich3@uw.edu.pl

Для цитирования: Мних Р. Петр Бицилли и Эрнст Кассирер // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 203–214.
<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-203-214>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

PIOTR BITSILLI AND ERNST CASSIRER

© 2024. Roman Mnich

Abstract: The article presents reflections on the problem of comparing the ideas and legacy of two famous thinkers of the twentieth century — German philosopher Ernst Cassirer (1874–1945) and Russian historian Piotr M. Bitsilli (1879–1953). Three aspects of comparison are considered: 1) Cassirer’s influence on Bitsilli; 2) the concept of cultural and historical periods (the Middle Ages and the Renaissance) by the thinkers; 3) the attitude to the problem of freedom and the European cultural heritage on the examples of the works by J.W. Goethe and O. Spengler. A comparative study of the texts by E. Cassirer and P. Bitsilli opens up a broad perspective for studying the history of ideas in the humanities.

Keywords: Piotr M. Bitsilli, Ernst Cassirer, Renaissance, philosophy of history, the problem of freedom.

Information about the author: Roman Mnich, Doctor Hab., Professor, Department of Russian Studies, University of Warsaw, Krakowskie Przedmieście St. 26/28, 00-927 Warsaw, Poland.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3384-2821>

E-mail: r.mnich3@uw.edu.pl

For citation: Mnich, Roman. “Piotr Bitsilli and Ernst Cassirer.” *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 203–214. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-203-214>

В настоящей статье я хочу представить несколько, на мой взгляд, важных аспектов сопоставления и соизмерения творчества двух видных мыслителей XX в. — русского историка и литературоведа Петра Михайловича Бицилли (1879–1953) и немецкого философа Эрнста Кассирера (1874–1945). Как следует из приведенных дат рождения, ученые были почти ровесниками, поэтому есть смысл рассматривать их наследие и основные научные идеи в общей культурно-исторической парадигме, сложившейся в Европе в первой половине XX в. Такое сопоставление тем более уместно, что П.М. Бицилли в 1920 г. эмигрировал из Советской России в Европу и потому его взгляды и публикации не подвергались ограничениям со стороны советской (большевистской) идеологии того времени.

Сравнительное изучение научных концепций и идей П. Бицилли и Э. Кассирера может показаться проблематичным, поскольку связано с сопоставлением разных областей гуманитарного знания, прежде всего истории и философии. Что касается литературоведения, то историк Бицилли и философ Кассирер в одинаковой мере обращались к опыту художественной литературы для подтверждения своих концепций, и в этом смысле они оба были причастны к формированию интердисциплинарных тенденций в гуманитарном дискурсе XX в. Сопоставление их творчества открывает совершенно новую перспективу исследования, позволяющую, с одной стороны, интерпретировать научный исторический опыт в свете основных философских идей того времени, а с другой — рассматривать магистральные для XX в. философские идеи сквозь призму истории и связанной с нею реальной событийностью. В этой заметке я ограничусь только самой постановкой проблемы, ее научное решение требует времени для детальной интерпретации как текстов обоих мыслителей, так и общего исторического и культурного контекста эпохи.

Отмечу, что сравнение творчества Кассирера и Бицилли открывает новые горизонты для изучения истории идей в европейской культуре XX в. в разных направлениях. Кроме интересной самой по себе истории рецепции Кассирера в России [2] это могут быть конкретные точки «пересечения» в текстах обоих ученых — в частности, обращение к творчеству И.-В. Гёте как примеру исторического мышления, интерпретация отдельных культурно-исторических эпох (Средние века, Возрождение, романтизм), разработка понятий «философия культуры» и «философия истории». Подчеркну специально, что отмечаемое «соприкосновение» в текстах Бицилли и Кассирера не обязательно связано с совпадением, скорее речь идет о разных

подходах к решению одних и тех же проблем, хотя эти подходы часто вели к одинаковым научным результатам. Так, для обоих ученых немецкий романтизм и немецкий идеализм оказались важнейшим историческим материалом и историческим опытом, в свете которого видны не только ошибки и заблуждения европейской культуры XX в., но и судьбоносные перспективы ее развития.

Наиболее важной точкой совпадения в работах Бицилли и Кассирера стала сама идея философии истории и ее отношение к философии культуры. Нужно сразу же отметить, что сопоставление Бицилли и Кассирера позволяет взглянуть на русского историка и литературоведа совершенно с другой стороны и говорить о нем прежде всего как об историке идей или, говоря другими словами, философе культуры.

В конце XX в. Б.С. Каганович, открывая в своих публикациях наследие Бицилли для российского читателя того времени, писал об ученом как историке культуры и литературоведе [1]. Я думаю, что к этим двум ипостасям Бицилли нужно добавить философию культуры, о чем ученый писал в своей главной теоретической книге «Очерки теории исторической науки», вышедшей в Праге в 1925 г. Совершенно очевидно, что если бы переиздание этой монографии в России было осуществлено не в 2012 г., а раньше, в 90-е гг. прошлого века, ее влияние, как и восприятие идей Бицилли, было бы гораздо масштабнее и шире.

«Очерки теории исторической науки» представляют собой уникальную попытку перенесения основных философских и культурологических идей того времени в область истории. В этой книге Бицилли подчеркивал, что «если под культурой понимать жизнь духа, то понятие “истории” и “истории культуры” совпадают», поэтому в свете идей новейших теоретиков истории, «всякая история есть история культуры» [11, с. 14–15]. Совпадая практически в понимании проблем философии истории с Кассирером, Бицилли, однако, по другому определял пути исторического становления такой науки, сближаясь в этом вопросе с русскими религиозными философами, прежде всего с Л.П. Карсавиным, и подчеркивая, что «философия истории появляется у народов нашего культурного круга вместе с христианством и, можно сказать, представляет собой христианскую философию вообще» [11, с. 19].

Вспомним, что Кассирер тоже разрабатывал концепцию философии истории, частью которой он видел собственно философию, о чем и писал во введении к своей монографии «Философия Просвещения», отмечая, что философия Просвещения является только ча-

стью другой, более широкой историко-философской темы — «eines anderen und weiteren geschichtsphilosophischen Themas» [13, S. X].

Таким образом, даже в свете приведенного сопоставления историк Бицилли и философ Кассирер воспринимаются в общем контексте европейской культуры XX в.: исторические идеи русского ученого предстают на фоне философского обобщения, а философские мысли немецкого ученого оказываются исторически заземленными в реалиях конкретного времени.

Кроме таких общих вопросов, мы можем назвать и более конкретные проблемы как предмет сравнительного анализа. Так, совершенно отдельную область сопоставления образует анализ идей и исторического контекста, в котором оба ученых представляли философскую интерпретацию проблемы свободы в европейской культуре XX в. (с проекцией на литературу европейского романтизма).

Дискурсы свободы были чрезвычайно важной темой не только для России, но и для Европы 1920–30 х гг. прошлого века; и если «русская свобода» иногда представлялась «неуклюжей выдумкой философов», как и «русская идея» или «русская ментальность» [3, с. 18], то в европейском контексте свобода рассматривалась, по словам Бицилли, на перекрестке важнейших законов исторического развития (закона ритмики, закона несовпадения кривых и закона инерции) и была связана с интерпретацией идеологии романтизма, проблемы сверхчеловека и, конечно же, мыслей К. Маркса о «скачке из царства необходимости в царство свободы». Обо всем этом Бицилли писал в статье «Проблема свободы в наше время» [12], обращаясь к многовековому опыту европейской истории и рассматривая проблему свободы на фоне основных теологических и философских идей первой половины XX в.

Для Кассирера проблема свободы тоже была одной из основных в его философской концепции, и он аналогично рассматривал эту проблему в контексте идеологии культурно-исторических эпох (античность, Ренессанс, Просвещение). Правда, для немецкого философа идея свободы была связана и с основными стратегиями интерпретации наследия И. Канта в первой половине XX в., со спорами неокантианцев и их противников. Именно об этом шла речь, например, во время знаменитой дискуссии между Э. Кассирером и М. Хайдеггером в Давосе весной 1929 г., где проблема свободы была одной из важнейших тем: свобода, о которой говорил Кассирер и которую он защищал как традиционное наследие европейской культуры, противопоставлялась судьбе и обреченности, о которых говорил Хайдеггер, излагая свою концепцию [6].

Добавлю, что к теме свободы в ее исторических измерениях Кассирер обращался в самом начале своего творческого пути, в книге «Свобода и форма» (1916), посвященной немецкой духовной истории и защищающей свободу как универсальную ценность. К этой же идее немецкий философ вернется в конце своей жизни, в работах, посвященных мифологии государства и развенчивающих идеологию Третьего рейха.

Кроме проблемы свободы, Бицилли и Кассирер сближаются и в решении целого ряда других вопросов, особенно в контексте тех культурно-исторических эпох, которые были предметом специальных научных интерпретаций со стороны обоих ученых: средние века, Ренессанс, частично немецкий романтизм. Здесь мы можем назвать целый ряд общих для русского историка и немецкого философа проблем: от ренессансного индивидуализма, интерпретации наследия Г. В. Лейбница, роли Николая Кузанского и Марсилио Фичино в становлении европейского Ренессанса до обращения к идеям И. Канта, а также к мыслям других классиков немецкой философии. Отмечу, кстати, что если для Кассирера интерпретация Канта была основополагающим делом жизни, определившим весь контекст его творчества [5], то для Бицилли кантовская концепция человека была прежде всего противоположной настоящему историзму, который рождался из опыта новой мистики XIX в. Русский историк писал:

Перенос законодательных функций с Бога на человека, сделанный Кантом, ничем не мог отразиться на самоощущении субъекта как носителя исторической жизни, ибо прежняя связанность человека оставалась: он уже не только «открывал», но и «создавал» законы; однако сами эти «законы» были не нормами, вносимыми в космос личностями, а только формами постижения той же, по существу чуждой и посторонней субъекту, вне его лежащей «вещи в себе». Человек-законодатель Канта оказывается прежним, мертвым, безличным «вместилищем истины». Эволюция философской мысли, таким образом, не влекла за собою нового самоощущения, и не здесь следует искать его корни, но в *новой мистике*... [11, с. 123–124; курсив П.М. Бицилли. — Р.М.].

Приведенные примеры являются ярким свидетельством того, что проблема сопоставления и противопоставления творческих идей и концепций Бицилли и Кассирера имеет много аспектов и измерений. Обобщая имеющийся материал, мы можем предваритель-

но определить три научные сферы, в границах которых общее изучение наследия обоих мыслителей открывает новые перспективы для осмысления истории гуманитарных наук в XX в.

Первая сфера традиционно связана с прямым влиянием, и здесь мы можем говорить только об одностороннем влиянии Кассирера на Бицилли, о чем свидетельствуют ссылки на публикации немецкого философа в научных трудах русского ученого. Бицилли свои работы издавал преимущественно на русском или болгарском языках, а тематика тех немногочисленных статей на французском или немецком, которые русский ученый опубликовал в европейской славистической периодике, не входила в круг интересов Кассирера. Судя по доступным текстам, мы можем утверждать, что Бицилли был очень хорошо знаком с монографией Кассирера, посвященной философии и культуре европейского Ренессанса — «*Individuum und Kosmos in der Philosophie der Renaissance*» [14]. Бицилли несколько раз упоминает эту монографию в своей книге «Место Ренессанса в истории культуры», когда говорит о роли Николая Кузанского в становлении философии Возрождения. Русский историк подчеркивает, что Кассирер впервые «исчерпывающим образом» изложил «учение Николая Кузанского в связи с его влиянием на мысль Ренессанса», и даже защищает идеи Кассирера от критики рецензентов, считавших, что изложение философии Ренессанса нужно было начать не с Николая Кузанского, а с идей Франческо Петрарки [10, с. 35, 41].

Вместе с тем Бицилли отмечает принципиальную разницу между собой и Кассирером в изложении самой концепции европейского Ренессанса:

Если в настоящей работе <«Место Ренессанса в истории культуры»> изложение ведется все же, согласно традиции, начиная с трех предвестников Ренессанса, то это потому, что, в отличие от Кассирера, исследующего проблематику Ренессанса с точки зрения исторической статистики, автор пытается выдержать точку зрения исторической динамики [10, с. 41].

Вторую сферу исследований представляет сопоставительный анализ идей и концепций обоих ученых, касающихся прежде всего больших культурно-исторических эпох, таких, как средневековье, Ренессанс и немецкий романтизм. Отмеченный выше вопрос о роли Николая Кузанского или Марсилио Фичино в идеологии Ренессанса выражает только одну из многочисленных линий возможного сравнения, отхватывающего как структуру мышления средневеко-

вого или ренессансного человека, так и проблематику, связанную, например, с рождением понятия индивидуума в истории европейской культуры, или оценку творчества О. Шпенглера. Кстати, если для Кассирера Шпенглер был прежде всего представителем «исторического фатализма» [15, S. 150], то Бицилли смотрит на немецкого культуролога как на логического продолжателя романтической мысли, «более романтика, чем сами романтики» [11, с. 175–176].

В эту же сферу изучения входит широкое культурологическое сравнение концепций европейского Ренессанса или средневековья у обоих мыслителей, а также сопоставление этих концепций с аналогичными теориями у таких мыслителей, как, например, Я. Буркхардт, Г. Вёльфлин, Э. Панофский, А.Ф. Лосев, Л. Февр, М.М. Бахтин, А.Я. Гуревич, А.Х. Горфункель. Такой широкий контекст исследования позволил бы представить эпоху Ренессанса во всей глубине ее философской идеологии и в единстве гуманитарных и естественно-научных знаний того времени. Ведь каждый из перечисленных ученых изучал только отдельные аспекты Возрождения как культурно-исторической эпохи, и представление синтетического единства этих аспектов как проблемы философии культуры является делом будущего (в случае если наше будущее будут еще интересоваться проблемы истории гуманитарных наук XX в.).

Наконец, третья, весьма важная сфера, а заодно и линия сравнения — это отношение Бицилли и Кассирера к творчеству тех авторов, которых они оба читали. Изучение материала свидетельствует о том, что у русского историка и немецкого философа поразительное количество общих прочитанных книг. Из всего многообразия имен и концепций, представляющих «общий» именной и предметный указатель к сочинениям Бицилли и Кассирера, остановимся для примера на имени и идеях Гёте.

Для Кассирера творчество Гёте было значимым во многих отношениях, и речь идет не только о научных текстах, но и о художественных произведениях классика немецкой литературы [8]. Исследователи отмечают даже своеобразное «избирательное сродство» обоих мыслителей [4], отразившееся в творческом диалоге Кассирера с философскими идеями Гёте, с его концепцией символа, учением о свете, отношении к античности, прежде всего к Платону. Но Кассирер интересовался и отношением Гёте к истории, чему посвятил специальную серию статей «Гёте и исторический мир» («Goethe und die geschichtliche Welt») [16], представляющую творчество немецкого классика как свою своеобразную интеллектуальную родину.

Для Бицилли, как и для Кассирера, творчество Гёте тоже было связано с проблемами символа и символизации; русский историк подчеркивал, например, что художественные детали в тексте «Поэзии и правды» имеют «намеренно символический характер», а символизм событий детства и отрочества в автобиографии немецкого писателя соответствует его убеждению, что «то, чего мы желаем в молодости, мы достигаем в старости» [11, с. 134–135]. Но Гёте был важен для Бицилли и как мистический автор, и в этом смысле — причастный к новому историзму, о котором речь шла выше; он воплощал в своем творчестве концепцию «духа времени», о чем русский историк писал специально в книге «Очерки теории исторической науки», в экскурсе «Понятие “духа времени” у Гёте» [11, с. 235–238].

Таким образом, и для философа Кассирера, и для историка Бицилли обращение к мыслям и идеям немецкого писателя объясняется интересом к теоретической глубине его текстов и их огромным научным и интерпретационным потенциалом. Аналогичных сравнений мы можем привести и больше, например, обращение обоих мыслителей — П. Бицилли и Э. Кассирера — к наследию В. Дильтея свидетельствует о некоей духовной общности немецкого философа и русского историка, которую только предстоит изучить и которая отражает идеи философии истории [7].

Среди русских эмигрантов Бицилли представляет случай уникальный, ведь он не был ни профессиональным философом, ни литературоведом по образованию, но в своих публикациях постоянно обращался к философским и литературно-теоретическим идеям времени. Поэтому сравнение его творчества с творчеством видных философов и теоретиков литературы открывает новые горизонты исследований в области философии культуры и истории идей XX в.

Представленный мною материал, касающийся возможного сопоставления идей и концепций Бицилли с творчеством Кассирера, отражает только одно из возможных направлений интерпретации. Насколько такого рода исследования будут востребованы гуманитарной наукой XXI в. — это вопрос будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Каганович Б.С. П.М. Биццлли как историк культуры // Одиссей. Человек в истории. 1993: Образ «другого» в культуре. М.: Наука, 1994. С. 256–271.
2. Мних Р. Эрнст Кассирер в России (конспект) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2008–2009 год [9] / под ред. М.А. Колерова и Н.С. Плотникова. М.: Издательский центр «Регнум», 2012. С. 81–132.
3. Плотников Н.С. Дискурсы свободы в российской интеллектуальной истории (Введение) // Дискурсы свободы в российской интеллектуальной истории: Антология / под ред. Н.С. Плотникова и С.В. Киршбаум. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 11–45.
4. Cassirer und Goethe. Neue Aspekte einer philosophisch-literarischen Wahlverwandtschaft / herausgegeben von Barbara Naumann und Birgit Recki. Berlin: Akademie Verlag, 2002. 226 S.
5. Enno R. Ernst Cassirer im Kontext. Kulturphilosophie zwischen Metaphysik und Historismus. Tübingen: Mohr Siebeck Verlag, 2003. 278 S.
6. Enno R. Freiheit oder Schicksal? Cassirer und Heidegger in Davos // Cassirer — Heidegger. 70 Jahre Davoser Disputation / herausgegeben von Dominic Kaegi und Enno Rudolph. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2002. S. 36–47.
7. Hartung G. Die Entdeckung des Menschen im Zeitalter der Renaissance. Dilthey, Groethuysen und Cassirer // Dilthey und Cassirer. Die Deutungen der Neuzeiten als Muster von Geistes- und Kulturgeschichte / herausgegeben von Thomas Leinkauf. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2003. S. 149–170.
8. Naumann B. Philosophie und Poetik des Symbols. Cassirer und Goethe. München: Wilhelm Fink Verlag, 1996. 218 S.
9. Renz U. Dilthey, Cassirer und Geschichtsphilosophie // Dilthey und Cassirer. Die Deutungen der Neuzeiten als Muster von Geistes- und Kulturgeschichte / herausgegeben von Thomas Leinkauf. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2003. S. 127–148.

Источники

10. Биццлли П.М. Место Ренессанса в истории культуры. СПб.: Мифрил, 1996. XIV, 256 с.
11. Биццлли П.М. Очерки теории исторической науки. СПб.: Аxiōта, 2012. 427 с.

12. Бицилли П. Проблема свободы в наше время // Новый Град. Париж, 1934. № 9. С. 47–55.
13. Cassirer E. Die Philosophie der Aufklärung. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1998. 492 S.
14. Cassirer E. Gesammelte Werke. Hamburger Ausgabe. Band 14. Individuum und Kosmos in der Philosophie der Renaissance. Die platonische Renaissance in England und die Schule von Cambridge. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2002. 418 S.
15. Cassirer E. Gesammelte Werke. Hamburger Ausgabe. Band 22. Aufsätze und kleine Schriften (1936–1940). Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2006. 392 S.
16. Cassirer E. Goethe und die geschichtliche Welt. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1995. 182 S.

REFERENCES

1. Kaganovich, B.S. “P.M. Bitsilli kak istorik kul’tury” [“P.M. Bitsilli as a Cultural Historian”]. *Odissei. Chelovek v istorii. 1993: Obraz “drugogo” v kul’ture* [Odysseus. A Man in History. 1993: The Image of the “Other” in Culture]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 256–271. (In Russian)
2. Mnich, Roman. “Ernst Cassirer v Rossii (konspekt)” [“Ernst Cassirer in Russia (Abstract)”]. Kolerov, M.A., and N.S. Plotnikov, editors. *Issledovaniia po istorii russkoi mysli. Ezhegodnik za 2008–2009 god* [9] [Studies on the History of Russian Thought. The Yearbook for 2008–2009 [9]]. Moscow, Publishing Center “Regnum” Publ., 2012, pp. 81–132. (In Russian)
3. Plotnikov, N.S. “Diskursy svobody v rossiiskoi intellektual’noi istorii (Vvedenie)” [“Discourses of Freedom in Russian Intellectual History (Introduction)”]. Plotnikov, N.S., and S.V. Kirschbaum, editors. *Diskursy svobody v rossiiskoi intellektual’noi istorii: Antologia* [Discourses of Freedom in Russian Intellectual History: An Anthology]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020, pp. 11–45. (In Russian)
4. Naumann, Barbara, and Birgit Recki, editors. *Cassirer und Goethe. Neue Aspekte einer philosophisch-literarischen Wahlverwandtschaft*. Berlin, Akademie Verlag, 2002. 226 S. (In German)
5. Enno, Rudolph. *Ernst Cassirer im Kontext. Kulturphilosophie zwischen Metaphysik und Historismus*. Tübingen, Mohr Siebeck Verlag, 2003. 278 S. (In German)
6. Enno, Rudolph. “Freiheit oder Schicksal? Cassirer und Heidegger in Davos.” Kaegi, Dominic, and Enno Rudolph, editors. *Cassirer — Heidegger. 70 Jahre Davoser Disputation*. Hamburg, Felix Meiner Verlag, 2002, S. 36–47. (In German)
7. Hartung, Gerald. “Die Entdeckung des Menschen im Zeitalter der Renais-

- sance. Dilthey, Groethuysen und Cassirer.” Leinkauf, Thomas, editor. *Dilthey und Cassirer. Die Deutungen der Neuzeiten als Muster von Geistes- und Kulturgeschichte*. Hamburg, Felix Meiner Verlag, 2003, S. 149–170. (In German)
8. Naumann, Barbara. *Philosophie und Poetik des Symbols. Cassirer und Goethe*. München, Wilhelm Fink Verlag, 1996. 218 S. (In German)
9. Renz, Ulrich. “Dilthey, Cassirer und Geschichtsphilosophie.” Leinkauf, Thomas, editor. *Dilthey und Cassirer. Die Deutungen der Neuzeiten als Muster von Geistes- und Kulturgeschichte*. Hamburg, Felix Meiner Verlag, 2003, S. 127–148. (In German)

Дата поступления статьи: 11 августа 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 23 марта 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 11 August 2021

Approved after reviewing: March 23, 2022

Date of publication: December 26, 2024